

Глава 435: Что мы обсуждаем вместе?

«Вам, ребятам, больше не надо заботиться об этом. Я решу это, - Танг Тридцать Шесть не объяснил им многое, лишь говоря, - если я не смогу решить это, то мое имя - не Танг Тридцать Шесть.

Эти слова были сказаны с невероятной самоуверенностью, но Чэнь Чаншэн и Сюаньюань По были больше обеспокоены тремя другими проблемами. Во-первых, много дождя упало в его миску соевого молока, насколько разбавленным оно сейчас было? Во-вторых, это ютяо так долго было в его руке, насколько грязным оно сейчас было? И наконец, смена имени у Танга Тридцать Шесть была очень распространенным событием. Почему подобное обещание звучало несколько ненадежным?

Его имя изначально не было Тангом Тридцать Шесть, его имя было Танг Танг. К тому же, он был на верхнем уровне Неземного Открытия, так что, совершенно ясно, что он покинет Провозглашение Лазурных Облаков и попадет в Провозглашение Золотого Различия, только вот его конкретный ранг не был известен. Предположительно, он не будет настолько удачливым, чтобы вновь получить тридцать шестой ранг. Более того, в предыдущей смене рангов Провозглашения Лазурных Облаков он использовал отговорку, что его новый ранг не звучал слишком приятно, чтобы менять его имя. В этот раз ему будет действительно трудно использовать подобную причину.

Сюаньюань По показалось, что этим словам Танга Тридцать Шесть не хватало искренности. Покачав головой, он вышел из библиотеки.

Чэнь Чаншэн хотел разъяснить это, но у него были вторые мысли. Он действительно не особо это понимал, так что решил оставить это при себе. Вместо этого, он спросил: «На какое имя ты рассчитываешь в этот раз?»

«Дай мне подумать... я должен попасть в верхнюю тридцатку?»

«Это Провозглашение Золотого Различия, а не Провозглашение Лазурных Облаков».

«И что с этого? Я на верхнем уровне Неземного Открытия! Если я не буду лениться, я постепенно догоню тебя, минута за минутой», - гордо заявил Танг Тридцать Шесть.

Его лицо было покрыто пылью, так что было невозможно увидеть, что его кожа стала немного бледнее. К тому же, он стал более худым. Было совершенно очевидно, что его время культивации в Мавзолее Книг было невероятно трудным.

То, что он в таком возрасте сможет попасть в Провозглашение Золотого Различия, а также то, что он настолько самоуверенно думает, что окажется в верхней тридцатке, было невероятно редким зрелищем, и он действительно заслуживал гордиться.

Чэнь Чаншэн был счастлив за него до глубин своего сердца. Он сказал: «Ты должен продолжать усердно работать».

У Танга Тридцать Шесть было некоторое отвращение к этим словам. «Ты действительно ведешь себя, как директор».

Чэнь Чаншэн начал смеяться и приготовился извиниться, когда вдруг Танг Тридцать Шесть вздохнул.

«Что не так?»

«Как только я подумал, как ты и Сюй Южун так быстро убежали вперед, как мое экстраординарное достижение в действительности не сможет шокировать мир, а лишь моих родственников в Вэньшуй, это правда заставило меня потерять всю мою силу»,

Сказав это, Танг Тридцать Шесть встал и осмотрелся вокруг библиотеки. Он вдруг спросил: «Ничего страшного, что Принцесса Лоло не вышла встретить меня, но что насчет Чжэсю?»

В его мыслях юноша-волк Чжэсю был превосходным студентом, за которого он заплатил тяжелую цену, чтобы купить его для Ортодоксальной Академии. Проблемы, с которыми в настоящее время сталкивалась Ортодоксальная Академия, как раз были проблемами, которые требовали Чжэсю для их решения, так что он не мог упускать его.

Чэнь Чаншэн сказал: «Есть кое-какие вещи, которые у меня не было времени рассказать тебе».

Танг Тридцать Шесть повернулся к нему и спросил: «Какие вещи?»

Чэнь Чаншэн ответил: «Чжэсю в настоящее время в Тюрьме Чжоу».

С того времени, как Чэнь Чаншэн и Чжэсю покинули Мавзолей Книг и вошли в Сад Чжоу, и до этого дня - эта история казалась довольно длинной, но ее рассказ в действительности не потребовал много времени. У ютя в соевом молоке даже не было времени обмякнуть.

«Так... значит, что столько всего произошло», - заключил Танг Тридцать Шесть. «Мы можем опустить другие дела в данный миг, но мы потратили деньги на Чжэсю. Мы должны забрать его так быстро, как возможно».

Чжэсю был личностью, на которую Ортодоксальная Академия потратила деньги, так что он был человеком Ортодоксальной Академии. Так как он был персоной Ортодоксальной Академии, Ортодоксальная Академия должна была защищать его. Это был очень простой довод.

Более того, Тюрьма Чжоу была невероятно ужасающим местом. Остаться там на один день было подобно году в бездне подземного царства.

Чэнь Чаншэн тоже сильно переживал о Чжэсю. Только вот Ортодоксия и Имперский Двор в настоящее время были в конфликте друг с другом, а также были внутренние проблемы во Дворце Ли. А теперь даже Архиепископ Мэй Лиша нехорошо себя чувствовал. Он был в некоторой растерянности, что делать.

«С определенной перспективы, Чжоу Тун подобен Тяньхай Я'эру, с которым вы не можете справиться, но он в бесчисленные разы более ужасающий и сильный. Чтобы достичь своей цели, он будет совершать любые жестокие и плачевные деяния. Все знают, что он - безумный пес Божественной Императрицы. Кого Императрица хочет, чтобы он укусил, он кусает. Для такого человека, как он, все стратегии и планы бессмысленны».

«Но почему он продолжает так упорно кусать Ортодоксальную Академию?»

«Потому что Его Святейшество выразил свою позицию. Позиция Императора Великой Чжоу, вероятно, вернется в Имперский клан, но Императрица явно не думает таким образом».

Чэнь Чаншэн опустил свою голову и сказал: «По правде говоря... я не особо понимаю, почему

место императора настолько важное».

Танг Тридцать Шесть посмотрел на него, как на чудака, и сказал: «Это Император Великой Чжоу, должность высшей власти! Никто не может сопротивляться соблазну этого трона».

Чэнь Чаншэн поднял голову и посмотрел назад: «Но я правда не думаю, что он так уж и хорош. Мне всегда казалось, что время и энергия, требуемые на все это, действительно крайне неразумные».

Танг Тридцать Шесть посмотрел в его глаза. Они все еще были прозрачными и ясными без малейшего признака фальши. Он даже был немного тронут: «Ты правда считаешь подобным образом?»

«Да», - ответил Чэнь Чаншэн.

«Чэнь Чаншэн, ты действительно чудак, настоящий чудак, а не такой ненормальный, как Тяньхай Я'эр».

Танг Тридцать Шесть посмотрел на него и сказал: «Ты не можешь понять нас, но я тоже нахожу очень трудным понять тебя, и почему тебя не заботят эти вещи».

Чэнь Чаншэн подумал об этом, а потом сказал: «Может быть, потому, что я видел вещи, которые еще более важные?»

«Например?»

«...Жизнь и смерть».

За пределами жизни и смерти все другое было делом других людей.

Жизнь и смерть также были делами большой важности.

Не было других важных событий в жизни, лишь рождение и смерть.

Это все были вещи, записанные в писаниях, которые однажды были сказаны людьми.

Чэнь Чаншэн был начитан в Даосских Канонах и мог понять многое, но это не было обязательно. Достаточно было того, что он помнил два слова 'жизнь' и 'смерть'.

Для обычного человека смерть была чем-то, с чем он должен был столкнуться в последней части его сотни лет.

Для культиваторов смерть была чем-то, с чем они столкнутся в последней части их нескольких сотен лет.

Для Чэнь Чаншэна жизнь и смерть всегда были прямо перед его глазами. Она всегда была у него на уме, заставляя его постоянно держать это в памяти.

Перед жизнью и смертью, как он мог показывать какой-то интерес к этим привязанностям жизни? По крайней мере, прежде, чем он решил эту его проблему, он не будет слишком заинтересован в них.

Танг Тридцать Шесть не знал о проблеме Чэнь Чаншэна, но когда он услышал слова 'жизнь и смерть', он по какой-то причине почувствовал, что дождь за окном принес внезапный холод,

несвойственный лету.

Вскоре после этого Чэнь Чаншэн начал думать о других вещах.

Он подумал о больном архиепископе и внутренних разногласиях Ортодоксии, а также о тех словах, которые однажды ему сказал Су Ли. Он сказал: «Действительно ли этот мир настолько невыносимый?»

Танг Тридцать Шесть ответил: «По крайней мере, он не такой чистый, как мы надеемся, как и никто не понимает, как ты стал Директором Ортодоксальной Академии».

Даже после того, как он совершил такие большие деяния для Ортодоксии и Великой Чжоу в Мавзолее Книг и Саду Чжоу, Чэнь Чаншэну все еще было всего лишь шестнадцать лет. Точно не было оправдания тому, почему он должен быть Директором Ортодоксальной Академии.

С точки зрения Танга Тридцать Шесть, а также многих людей, которые не понимали внутренней истории, это дело было определенно очень подозрительным. Вероятно, было совершено много обменов, которые не могли видеть свет дня, или может, какая-то внутренняя информация.

Чэнь Чаншэн не верил, что эти дела не могли видеть свет дня. Он, по крайней мере, мог сказать Тангу Тридцать Шесть.

«Мой учитель - побратим Его Святейшества».

Его взгляд, направленный за окно, остановился на зеленеющих деревьях Ортодоксальной Академии: «Он был предыдущим Директором Ортодоксальной Академии».

Танг Тридцать Шесть был в полном шоке. Он даже был еще больше шокирован, чем, когда Чэнь Чаншэн достиг части своей истории о Су Ли и городе Сюньян.

Кровавый инцидент Ортодоксальной Академии около десяти лет назад напрямую или косвенно изменил весь мир людей. Даже Секта Долголетия и Гора Ли на далеком юге подверглись влиянию.

Предыдущий Директор Ортодоксальной Академии, который был могущественной фигурой, которую никто не мог забыть, даже если его имя давно было стерто из анналов Ортодоксии и было запрещено даже для простого упоминания в столице.

«Неудивительно, что ты какой-то даосист из деревни, и можешь так хорошо знать Даосские Каноны. Неудивительно, почему Его Святейшество позволил тебе стать Директором Ортодоксальной Академии, и хочет воспитать тебя, как своего преемника... Неудивительно, что Чжоу Тун работает за кулисами против Ортодоксальной Академии, - Танг Тридцать Шесть взглянул на него, пробормотав, - как оказывается, ты был единственным наследником той могущественной личности».

Чэнь Чаншэн поправил его: «Нет, у меня также есть старший товарищ».

Когда он покидал деревню Синин, его учитель объяснил ему несколько вещей, так что с тех пор, как он прибыл в столицу, он редко поднимал тему о своем старшем товарище. До этого момента он рассказал об этом лишь Сюй Южун и Тангу Тридцать Шесть.

Танг Тридцать Шесть спросил: «У тебя также есть старший товарищ? Что он за человек?»

Чэнь Чаншэн начал раздумывать над этим вопросом и понял, что Старшего товарища Юй Жэня было действительно очень трудно описать словами. Может быть, потому, что он никогда не говорил?

«Старший товарищ... крайне экстраординарная личность».

«Насколько экстраординарная? Может ли он быть более выдающимся, чем я?»

«Старший товарищ в десять тысяч раз более выдающийся, чем ты в прошлом. Сейчас, когда ты стал более усердным, Старший товарищ все еще в сотню раз более экстраординарный, чем ты».

Чэнь Чаншэн смотрел на него, когда говорил. Он не пытался намеренно насмеяться или принижать Танга Тридцать Шесть. Это было заключение, к которому он пришел после искренних раздумий.

Танг Тридцать Шесть не говорил в течение очень долгого времени. Наконец, он сказал: «Похоже, что он - действительно экстраординарная личность».

Чэнь Чаншэн согласился: «Да, он - мой идол».

Танг Тридцать Шесть вдруг спросил: «Что же твой учитель хочет сделать?»

Через миг молчания Чэнь Чаншэн ответил: «Я не понимаю тебя».

Танг Тридцать Шесть посмотрел ему в глаза и сказал: «Ты должен ясно понимать, что я имею в виду».

Так как Даосист Цзи не был просто Даосистом Цзи, а также предыдущим Директором Ортодоксальной Академии, лидером оппозиции против Божественной Императрицы, все, что он делал, было достойно внимательного рассмотрения.

Он, вероятно, хорошо знал, что происхождение Чэнь Чаншэна не могло оставаться тайной вечно. Через отношение Мэй Лиша и Попа даже можно было подтвердить, что он связался с Дворцом Ли даже до того, как Чэнь Чаншэн прибыл в столицу. Поэтому он еще больше был уверен, что Божественная Императрица раньше или позже узнает о происхождении юноши. Это также указывало на то, что ситуация Чэнь Чаншэна становилась более сложной, даже невероятно опасной. Но он все равно настоял на том, чтобы отправить Чэнь Чаншэна в столицу для экзаменов, и не дал ему никаких объяснений. Почему так было? Просто из-за его помолвки с Сюй Южун?

Это был очень важный вопрос. Только вот Чэнь Чаншэн никогда не думал об этом, или, может, он намеренно не позволял себе думать об этом.

Пока Танг Тридцать Шесть не пронзил через эту оконную бумагу.

«Докладываю Лорду. Из Графства Ханьшань поступила новейшая информация. В той области действительно был человек по имени Даосист Цзи, практикующий медицину, но к тому времени, как кавалерия разведчиков поспешила туда, этот человек уже исчез».

«Это Директор Шан, даже Императрица не смогла тогда его убить. Как тогда мы сможем найти его?»

Чжоу Тун сидел за столом, не поднимая голову, пока изучал десяток или около того докладов, которые были присланы за прошлую ночь.

Подчиненный стоял перед столом и сказал низким голосом: «Согласно докладам из Деревни Синин, мы подтвердили, у Даосиста Цзи... Директора Шана действительно есть другой ученик».

Палец Чжоу Туна, который перелистывал страницу, вдруг остановился. А затем Чжоу Тун поднял голову.

<http://tl.rulate.ru/book/1222/114473>